

УДК 82.09(571.150)(082)

ББК 83.3(2Рос-4Алт),49я431 + 63.3(2Рос-4Алт)-7я431

А 521

А 521 Алтайский текст в русской культуре : сборник научных статей. – Вып. 10 / под ред. М.П. Гребневой ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2023. – 152 с.

ISBN 978-5-7904-2780-0.

Сборник статей печатается по материалам X международной научно-практической конференции «Алтайский текст в русской культуре», посвященной 50-летию образования Алтайского государственного университета, проведенной кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка АлтГУ 15–17 июня 2023 г. Статьи лингвистов, литературоведов, архивистов, работников музеев свидетельствуют о современном состоянии алтаеведения.

Книга рассчитана на филологов, научных работников, аспирантов и студентов.

УДК 82.09(571.150)(082)

ББК 83.3(2Рос-4Алт),49я431 + 63.3(2Рос-4Алт)-7я431

ISBN 978-5-7904-2780-0

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Богумил Т.А. РОМАН-КЕНОТАФ В.Н. ТОКМАКОВА «СБОР ТРЮФЕЛЕЙ НАКАНУНЕ КОНЦА СВЕТА»	3
Гребнева М.П. ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЛОГА И ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ ДРАМЫ СТ. ИСАКОВА «ПРИЗРАКИ»	7
Десятов В.В. ПАРОДИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ТВОРЧЕСТВЕ В.М. ШУКШИНА.....	12
Дидусенко Т.А. ТАЙНА ВЕЛИКОГО ПОЛОЗА В СКАЗАХ П. БАЖОВА И ПОВЕСТИ П. БОРОДКИНА «ТАЙНЫ ЗМЕИНОЙ ГОРЫ»	17
Дурново И.В. ПИСЬМА Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА А.Н. БЕЛОСЛЮДОВУ ЗА 1910, 1913, 1914, 1916 ГОДЫ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОСТОЧНО- КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	23
Иост О.А. К ПРОБЛЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОСНОВ ЖАНРА РАССКАЗА В.М. ШУКШИНА	26
Каланчина И.Б. ПОД ПСЕВДОНИМОМ «АЛЕК. АЛЕЙСКИЙ»	34
Карпухина В.Н., Никонова Н.Е., Яркова Е.В. СКАЗКА "THE CHARMING MEAD" Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА: ОПЫТ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ.....	42
Киба О.А. РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ-АНАЛИЗ В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЮ (НА МАТЕРИАЛЕ «АЛТАЙСКИХ» СТИХОТВОРЕНИЙ Н.М. РУБЦОВА)	49
Ковалёва И.Б. СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОМАТИЗМА «ЛИЦО» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ В.М. ШУКШИНА	53
Козлова С.М. СИБИРЬ, АЛТАЙ В ПОСТАПОКАЛИПСИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ.....	58
Колупаева Н.А., Бедарева И.А. ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СКАЗКЕ В.М. ШУКШИНА «ДО ТРЕТЬИХ ПЕТУХОВ»	64
Лебедева Е.В. ЖАНРОВОЕ И КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА (НА ПРИМЕРЕ ЗАМЕТКИ «РУЧЕЕК ЖУРЧАЩИЙ»)	67
Марьин Д.В. ПАРАГРАФЕМНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЭПИСТОЛЯРИИ В.М. ШУКШИНА	72
Мирович И.В. «МАСШТАБЫ СМЕЩЕНЫ» СИБИРЬ ДОСТОЕВСКОГО В ЛИТЕРАТУРЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ	77
Московкина Е.А. ЭКФРАСИС В РАССКАЗЕ И.А. ЕФРЕМОВА «ОЗЕРО ГОРНЫХ ДУХОВ»	85

Орехова Т.И., Сичик А.С. ХРИСТИАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ В ГОВОРАХ ВТОРИЧНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ (ИСТОРИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ)	93
Останин В.В. ТЕМА ЛЮБВИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ В.М. ШУКШИНА «ЛЮБАВИНЫ»	100
Полева Е.А., Байдагулова Т.А. ТЕМА БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТСТВА В КНИГЕ ОЛЬГИ КОЛПАКОВОЙ «БУКА САМА БОИТСЯ (НЕСТРАШНЫЕ СКАЗКИ ПРО СТРАШНУЮ БУКУ)»	103
Решетникова Е.М., Бедарева И.А. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ ЛИЛИИ ЮСУПОВОЙ.....	108
Сафонова Е.А. ТЕМА ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ СЕРГЕЯ БАШКАТОВА.....	112
Серягина Ю.С. ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ГАЗЕТЕ «ЖИЗНЬ АЛТАЯ» 1911–1917 ГГ.	116
Трухан Е.Д. НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ В.Ф. БУЛГАКОВА «НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ»	122
Цветова Н.С. ВАСИЛИЙ ШУКШИН: ВОЗРАЩЕНИЕ В БУДУЩЕЕ	127
Чернышова Д.М., Ковалев О.А. ПРИНЦИПЫ ГРАФИЧЕСКОЙ СЕГМЕНТАЦИИ СТРОК У Г.П. ПАНОВА	130
Шастина Т.П. ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ИЗДАНИЯХ В.А. ДОЛГОРУКОВА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)	136
Шерматова С.Н., Чернышова Т.В. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ НЕРЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ Ч.Т. АЙТМАТОВА «ДЖАМИЛЯ»	143

17. «Электронная библиотека ELIB.TOMSK.RU. Областная библиотека им. А.С. Пушкина (г. Томск)»: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.tomsk.ru/page/439>, свободный (Дата обращения: 20.02.2023).
18. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. – М., 1912. – 224 с.

Н.С. Цветова
ВАСИЛИЙ ШУКШИН: ВОЗВРАЩЕНИЕ В БУДУЩЕЕ²¹

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского*

Аннотация. Автор доклада утверждает, что сегодняшнее возвращение Шукшина-прозаика в российское театральное пространство является доказательством «рубужности» его литературных открытий, в которых отразилось общее направление литературного поиска традиционалистов, открывающих перспективу литературного развития не только в эволюции жанровых форматов, но в модернизации коммуникативных установок русских писателей, провоцирующей новую персонологию и поэтику.

Ключевые слова: театр, рассказ, анекдот, притча, персонаж, открытие.

N.S. Tsvetova
VASILY SHUKSHIN: RETURN TO THE FUTURE

St. Petersburg State University,
F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy

Summary: The author of the report argues that today's return of Shukshin, a novelist, to the Russian theatrical space is proof of the "milestone" of his literary discoveries, which reflected the general direction of the literary search for traditionalists, opening up the prospect of literary development not only in the evolution of genre formats, but in the modernization of the communicative attitudes of Russian writers, provoking a new personology and poetics.

Key words: Theater, story, joke, parable, character, discovery.

Актуальность разговора о Шукшине сегодня подтверждается «шукшинским» театральным бумом, который отменяет генеральную линию медиапрезентации Шукшина, сложившуюся в течение трех последних десятилетий, когда литературное наследие В.М. Шукшина настойчиво вытеснялось на маргинальную периферию публичного коммуникативного пространства, в первую очередь, благодаря бесконечным «мыльным телеоперам» на основе фактов из личной жизни художника, его семьи. Совсем недавно казалось, что Шукшин-прозаик остается только для его земляков и ценителей литературного традиционализма, общее количество которых неуклонно падает, оставаясь достаточным только для того, чтобы незначительные нынешние тиражи не пылились на полках книжных магазинов.

Признаки массового возвращения к Шукшину проявились в той зоне, которую сам он считал наиболее подвижной, по силе воздействия наиболее эффективной — в кино и театре. Вот такой весьма красноречивый факт: сегодня только в Петербурге спектакли по произведениям Шукшина идут в театре «Комедианты» («Земляки», реж. М. Левшин), в «Театре на Васильевском» («Охота жить», реж. Р. Смирнов), в кабаре «Бродячая собака»

21 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

(моноспектакль «Пять рассказов Шукшина» В. Борисова), в арт-кафе «Приют комедианта» (моноспектакль «Нервные люди» Л. Таранова), в товстоноговском БДТ («Материнское сердце» А. Могучего), в театре им. В.Ф. Комиссаржевской («Про Любовь», реж. М. Бычкова).

Даже при беглом взгляде на представленный список немедленно проясняется одна важная деталь: театр предпринимает новую попытку прорыва к Шукшину с возвращением к его рассказам. Авторы перечисленных спектаклей предлагают значительный диапазон интерпретаций шукшинских текстов: от анекдота, бытового фельетона до притчи с предельной широтой обобщения, в разных формах напоминающей о текстах четвероевангелия.

Почему театр обходит «повести для театра», киноповести? В поисках ответа на этот вопрос, видимо, уже нельзя ограничиться давней констатацией С.П. Залыгина, утверждавшего, что Шукшин демонстрировал «совершенное владение малой формой», которое позволило ему продемонстрировать уникальное «постижение души человеческой» (С. Залыгин), убедить своего читателя в том, что «главное в жизни делать людям добро» (Л. Мадорский), максимально сократить дистанцию читатель – герой – писатель (В.П. Скобелев, В. Тюпа) и т. п.

Сегодня приходится признать, что Шукшин не просто овладел пушкинской или чеховской технологией создания малой прозы. Его рассказ – не обновленная притча, тем более не модернизированный анекдот. Это принципиально новый жанр, в основе которого притча и анекдот как «протолитературный нарратив» (Смирнов И.П.). По отношению к рассказам Шукшина справедливее говорить о притчевости и анекдотичности. Это важнейшие принципы русской словесной культуры, следование которым позволяет максимально приблизиться к достижению глобальной коммуникативной цели. Эта цель – *учительство*. И Шукшин учительный пафос своего творчества неоднократно намеренно подчеркивал, например, при объяснении своей приверженности к работе в кино. Но при этом, сразу оговоримся, Шукшин никогда не позволял себе в художественной прозе примитивной фиксации учительной интенции, публицистической трансляцией собственного ценностного отношения к увиденному, зафиксированному в тексте.

Шукшину удалось создать уникальный формат учительства, позволивший преодолеть усталость затухающей примитивной патетики, с одной стороны, и недоверие к утонченному славословию как предвестнику будущего безраздельного господства постмодерной эстетики. Обладавший уникальной творческой интуицией, глубинным чувством времени, художник при обновлении коммуникативной задачи ориентировался на национальные принципы словесной культуры, учитывал их как данность, заложенную в национальном культурном сознании, учитывал, но использовал по-своему. Известно, анекдотичность в русской словесности «конденсируется в остроту, притчевость — в «пословично-афористичный» речевой жанр [Тюпа, 2014, с. 65]. И Шукшину конечно же это известно, но все мы помним, чем заканчиваются попытки Чудика продемонстрировать собственное остроумие и в диалогах с женой, и в разговорах с уважаемыми им городскими жителями (рассказ «Чудик»). Нельзя забыть, чем заканчиваются претензии на афористичность, которые могут проявляться в немногочисленных авторских комментариях. Формально афористичными могут быть признаны развязки нескольких шукшинских сюжетов: «Срезал», «Шире шаг, маэстро!», «Билетик на второй сеанс»... Но в каждом из названных случаев едва проступающее намерение прозаика высказаться кратко, емко, афористично, немедленно разрушается интонационно.

Не менее свободно Шукшин обращается с феноменологическими характеристиками сюжета классического рассказа, например, с событийностью. У великого рассказчика Чехова и не только именно событие провоцировало инвариантную для этого жанра кризисную ситуацию. А Шукшина более привлекают характеры (см. названия его сборников), проявляющиеся с наибольшей очевидностью не столько в поступке, сколько в жизненной позиции. Самый яркий пример в этом отношении — Алеша Бесконвойный, позиция которого

выражается не в морализаторстве, не в оценочных сентенциях (Костя Валиков вообще немногословен), а в действенном выборе того нравственного закона, который определяет каждую минуту бытия. Именно поэтому Шукшин, избегает «приторных подробностей» (А.С. Пушкин), а внимательно наблюдает за действиями, реакциями, за поведением персонажа. Именно поэтому смысловую структуру шукшинских сюжетов определяют глаголы, чаще всего глаголы движения. Действия персонажа, которые описываются с помощью этих глаголов, мотивируются в наиболее показательных случаях энергемами (термин А.Ф. Лосева) – особо значимыми словами, воспринимаемыми русским адресатом стадиально. В доказательство этого утверждения достаточно вспомнить знаменитое «ладно» Василия Егоровича Князева («Чудик»), объясняющее его поведение даже в конфликтных ситуациях и непременно вызывающее этическое «беспокойство» читателя и тревогу Шукшина.

У художников шукшинского масштаба формальное новаторство всегда обеспечивается, обуславливается уточнением коммуникативной задачи, влияющим и на смысл текста, на его жанрово-речевую форму. Именно в рассказах, основанных на реанимации ключевых принципов русской словесности, на достижениях русской реалистической школы, Шукшин совершает гигантский прорыв в будущее. В подробностях повседневной жизни самых разных персонажей (от «ясноглазых сибирячков» до «дьяволов пучеглазых») писатель обнаружил серьезные признаки деградации общественно-смыслового пространства: изменение гендерного ролевого репертуара, деформацию семейных взаимоотношений, усугубление противостояния человека и институтов государственной власти, деэстетизации национального пространства и времени. Все это, по Шукшину, признаки «рубежного времени» для российской цивилизации, за которым может открыться новая жизненная перспектива, трагизм которой обусловлен очевидными сбоями в работе «механизма передачи цивилизационного опыта» (А. Щипков).

В этом отношении чрезвычайно красноречиво предостережение, обращенное к главному герою сказки-завещания «До третьих петухов» (1974) – «Ванька, смотри!». Сказочный Ванька, как и его реальный тезка, вступив в «рубежное время», вроде бы отвоевав право распоряжаться своей судьбой, которое символизируется приобретением «печати», принадлежавшей совсем недавно всеильному Мудрецу, пренебрег писательским предостережением. Новое утро не дает Ваньке возможности осознать то ли победу свою, то ли поражение. Но ожидание следующего дня уже наступило. И Шукшин-автор после возвращения Ивана на свою полочку в библиотеку точно знает, что это «будет уже другая сказка», «что-то еще произойдет» [Шукшин, 1996, с. 543].

Новые времена, «новое утро» уже наступили. Они доказывают справедливость принципиальной для всех поздних «деревенщиков» идеи, наиболее четко, точно сформулированной Ф. Абрамовым, убежденным в том, что «на примере жизни деревенской бабы, которая не выходила за околицу, можно дать не только историю нашей страны, но историю человечества» [Абрамов, 1986, с. 468]. У многих «деревенщиков» это получилось. А Шукшин шагнул дальше всех – заглянул в будущее [Цветова, 2018; Цветова, 2019]. Сюжеты шукшинских рассказов нацелены на то, чтобы убедить читателя в единственной возможности продолжения жизни и национальной истории. Возможность эта для Шукшина и его «чудиков» связана с поддержанием и развитием способности каждого человека к самосохранению в повседневности. В качестве условия реализации этой возможности Шукшин принял учительную установку на формирование позиции, поведенческих принципов адресата в свете нравственного абсолюта.

На открытия Шукшина быстрее и отчетливее всех отозвались А. Вампилов и В. Распутин и встали рядом, плечом к плечу. Именно отсюда высочайшая горячность В. Распутина в защите Шукшина (см. знаменитую статью В.Г. Распутина «Твой сын, Россия, горячий брат наш», 1984). В процессе постижения надвигающейся цивилизационной катастрофы шукшинская плеяда прозревала новую литературу в обозначенной Шукшиным, выстраданной им логике. И не в «жанровых импульсах» (В.И.Тюпа) дело. Новаторство в той сверхзадаче, для решения которой необходимо не только тщательное наблюдение за

развитием героя нового времени – «демагога», но восстановление «этико-энергетической природы» русского слова (Б. Евсеев), которое позволит страшную для русской цивилизации угрозу абсолютной победы демагога исключить. Пока кажется, что только театр актуализирует очевидное присутствие Шукшина среди охранителей будущей России. И это значит, что именно ему удалось почувствовать и наметить, обозначить эпохальную миссию новой литературы, которая уже рефлексивируется в нынешних спорах об обманчивой простоте «последнего русского гения» (В. Пьецух).

Литература

1. Абрамов Ф. Чем живем-кормимся. – Л.: Советский писатель, 1986. – 527 с.
2. Тюпа В.И. Нарративная стратегия притчи в литературной традиции / Притча в русской словесности: от Средневековья к современности. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. – С. 34 – 79.
4. Цветова Н.С. "Сильные идут дальше..." // Русская литература в иностранной аудитории: сб. науч. ст. Вып. 7. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – С.44 – 48.
5. Цветова Н.С. «Шукшин – это Русь!». К проблеме ментального пространства писателя // Алтайский текст в русской культуре. – Барнаул: АлГУ, 2019. – Вып. 8. – С. 3 –12.
6. Шукшин В. До третьих петухов // Собр. соч.: в 5-ти т. – М.: Литературное наследие, 1996. – Т. 2. – С. 496 – 544.

Д.М. Чернышова, О.А. Ковалев

ПРИНЦИПЫ ГРАФИЧЕСКОЙ СЕГМЕНТАЦИИ СТРОК У Г.П. ПАНОВА

Алтайский государственный университет,
Барнаул

Аннотация: данная статья посвящена выявлению принципов графической сегментации строк в стихотворениях алтайского поэта Геннадия Панова. Выделены три типа функций "лесенки", каждая из которых выражает дополнительное членение строк, изменение ритма и смысловой нагрузки произведений автора: 1) акцентирование элементов описания образа в произведении; 2) усиление динамики, подчеркивание настроения произведения; 3) демонстрация отношения лирического героя к происходящему в произведении.

Ключевые слова: стихотворение, графическая сегментация строк, «лесенка», образ лирического героя, идейно-эмоциональный комплекс произведения, Г.П. Панов.

D.M. Chernyshova, O.A. Kovalev

PRINCIPLES OF GRAPHICAL LINE SEGMENTATION BY G.P. PANOV

Altai State University,
Barnaul

Summary: This article considers the identification of the principles of lines graphical segmentation in the poems of the Altai poet Gennady Panov. There are three types of "ladder" functions, each of which expresses an additional division of lines, a change in the rhythm and semantic load of the author's works: 1) accentuating the elements of the image description in the work; 2) strengthening the dynamics, emphasizing the mood of the work; 3) demonstrating the attitude of the lyrical character to what is happening in the work.

Key words: poem, graphic segmentation of lines, "ladder", the image of a lyrical character, the ideological and emotional complex of the work, G.P. Panov.